

КАМИЛА ЛЕВИТАН

Измена мужа.
**ТЫ ЗАСТРАХОВАЛ МЕНЯ
В ПОЛЬЗУ СЕКРЕТАРШИ!**

Камила Левитан

**Измена мужа. Ты застраховал
меня в пользу секретарши!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Измена мужа. Ты застраховал меня в пользу секретарши! /
К. Левитан — «Автор», 2026

Мой муж застраховал мою жизнь на пятнадцать миллионов рублей. Только деньги после моей смерти получают не наши дети. И даже не он. Его секретарша. Десять лет брака, двое детей, идеальная семья. Я верила каждому слову Артёма, пока случайно не нашла документ с чудовищной пометкой: «Убрать жену из схемы после выплаты». Теперь муж предлагает мне подозрительные лекарства, свекровь пытается забрать детей, а окружающие уверяют, что я схожу с ума. Они считают меня беспомощной дурочкой. Но я юрист. И знаю, как превращать чужие подписи в доказательства. Только кто на самом деле заказал моё уничтожение? И успею ли я спасти детей?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Камила Левитан

Измена мужа. Ты застраховал меня в пользу секретарши!

Глава 1

Планшет не пускал меня дальше экрана блокировки. Тёмное стекло, отражающее мою бледную физиономию и припухшие от недосыпа веки. Я нажала кнопку питания раз десять. Бесплезно. В углу мерцал замочек: «Требуется пароль». Артём сменил его вчера вечером, бормоча что-то про «кибербезопасность» и «риски для бизнеса», пока я резала лук для борща. Его руки пахли чесноком и чем-то сладким, приторным — чужими духами. Тогда я списала это на офисные ароматизаторы воздуха. Наивная дура.

Я выдохнула сквозь зубы. На следующей неделе у детей презентация поделок, и мне нужно проверить их проекты, загруженные в облако мужа. Контроль над бытом — моя единственная опора в этом доме из стекла и стали, где каждый шаг просчитан, а каждая улыбка имеет цену. Планшет отказывался давать доступ, поэтому я пошла на хитрость, которую использовала еще со времен студенчества. Забыл ли он закрыть старые сессии? Я открыла браузер на ноутбуке, вошла в свой аккаунт синхронизации и через историю браузера открыла сохранённую ссылку на облако. Сессия ещё действовала. Экран мигнул, загрузился список папок. Сердце колотилось так, что отдавало в висках. Предупреждение системы о риске утечки данных исчезло под курсором, как назойливая мошка. Мне было все равно. Мне нужна была всего одна папка — «Школа». Маша с Петей гостили у бабушки, и я обещала проверить всё до их возвращения.

Но вместо привычных значков с котиками и рисунками моих детей передо мной распахнулась корневая директория. И там, среди скучных отчетов и презентаций, лежала папка с красноречивым названием «Финансы_Резерв». Раньше я её здесь не видела. Артём никогда не оставлял такие файлы на виду. Интуиция юриста, натренированная годами чтения договоров о разделе имущества, завопила об опасности громче, чем страх. Пальцы дрожали, когда я кликнула по ней. Внутри был единственный PDF-документ: «Life_Insurance_Policy_Vera.pdf». Страхование жизни. На мое имя.

Я открыла файл. Белый лист, черный текст, мелкий шрифт. Мои глаза скользнули по строчкам, механически фиксируя детали, пока мозг пытался отвергнуть увиденное. Страховая сумма — пятнадцать миллионов рублей. Срок действия — год. А затем я увидела графу «Бенефициары». Там не было имени Артёма. Не было имени моих детей. Там стояло одно слово, написанное с большой буквы, словно насмешка: Лиза. Секретарь моего мужа. Та самая, с которой он «задерживается на работе допоздна».

Меня замутило. Я увеличила масштаб документа, чтобы убедиться, что не ошиблась чтением. В примечаниях к пункту «Условия выплаты после инцидента» черным по белому было написано: «Снять жену с обеспечения после получения средств. Убрать жену из схемы после выплаты. Навсегда». Дата подписания договора стояла три дня назад. Три дня назад Артём целовал меня в макушку, говоря, что любит. Три дня назад он покупал мне цветы, потому что «знает, какая я уставшая». Это не измена сердца. Это заказ убийства. Холодный, расчетливый план устранения расходного материала. В голове ещё шевельнулась профессиональная мысль: какой идиот оставляет такую пометку в договоре? Но рядом стояло моё имя. Разбираться в качестве их бумаги я буду потом. Сейчас нужно было остаться живой.

Звук ключей в замочной скважине входной двери прозвучал как выстрел. Я вздрогнула всем телом, будто меня ударили током. Артём вернулся раньше обычного. Паника накрыла волной, перехватив дыхание. Нужно было сохранить документ, закрыть вкладку и убрать планшет. Пока ключ поворачивался в замке, я скачала PDF и сняла экран с датой загрузки и сведениями о файле. Удалять историю вслепую было опасно: общая синхронизация могла выдать меня. Время кончилось. Захлопнув ноутбук, положила рядом заблокированный планшет экраном вниз и схватила нож. Руки тряслись так сильно, что лезвие опасно вибрировало над буханкой хлеба. Я начала нарезать батон, делая вид, что готовлю бутерброды, хотя хлеб крошился под давлением, а мои пальцы побелели от напряжения.

Дверь кухни скрипнула. Артём вошел, пахнув холодным зимним воздухом и тем приторным парфюмом. Он улыбнулся своей дежурной, обаятельной улыбкой, той, которая когда-то сводила меня с ума.

— Как там наши маленькие гении? — спросил он мягко, подходя ближе.

Он наклонился и поцеловал меня в макушку. Его губы коснулись волос, и я почувствовала, как по спине пробежал мурашковый ток отвращения. Это было похоже на прикосновение паука — липкое, чужое, смертельное.

— Я купил им мороженое, — добавил он, кладя тяжелый пакет на стол рядом с планшетом.

Голос был спокойным, уверенным. Он играл роль заботливого мужа. Идеально. Ни единой фальшивой ноты, если бы я не знала, что за этой улыбкой прячется палач. Естественное желание закричать ему в лицо, ударить, спросить напрямую, почему он хочет моей смерти, поднялось комом в горле. Но это разрушило бы легенду. Если я начну истерить сейчас, он поймет, что я всё знаю, и ускорит процесс. Мне нужно было время.

— Спасибо, милый, — выдавила я улыбку, чувствуя, как мышцы лица болят от усилия. — Они будут рады. Как работа?

Артём пожал плечами, наливая воду в стакан. Я внимательно следила за его зрачками. Они были расширены, как всегда, когда он нервничал или лгал. Но руки держались твердо. Никакого тремора. Он был спокоен, как удав перед броском.

— Все отлично. Квартал закрыли красиво, — ответил он, отпивая воды. — Ты выглядишь уставшей, Вер. Может, немного вина? Расслабишься после долгого дня.

Он отвернулся к барной стойке, доставая бутылку Каберне. Жест был обыденным, домашним. Но в этот момент запах нового одеколона стал невыносимым. Он ассоциировался с Лизой, с её дешевыми помадами и звонким смехом из соседнего кабинета. Страх отравления парализовал волю. Что, если в бокале будет не вино? Или если он решит, что пора начинать действовать прямо сейчас?

— Голова раскалывается, — сказала я сухо, не отводя взгляда от его спины. — Лучше чай.

Я отодвинула от себя бокал. Артём остановил бутылку над ним, не успев плеснуть вино на стол. Он замер на секунду, недоуменно вскинув брови, но тут же улыбнулся снова, принимая отказ как должное.

— Ну, тогда отдыхай. Я позвоню детям. Пусть покажут, чем там занимаются у мамы.

Я развернулась и пошла в ванную комнату. Каждый шаг давался с трудом, ноги казались ватными. Войдя внутрь, я щелкнула замком. Щелчок прозвучал глухо, но надежно. Только здесь можно было выдохнуть.

Я посмотрела в зеркало. Там стояла женщина тридцати четырех лет: красивая, ухоженная, успешная. Корпоративный юрист, мать двоих детей, жена директора по продажам. «Здоровая, активная, идеальная жертва», — прочиталось в голове фразами из страхового полиса. Я прижалась лбом к холодному стеклу, пытаюсь успокоить биение сердца, которое грозило разо-

рвать грудную клетку. Вера. Так меня звали. Вера в любовь, в семью, в справедливость. Теперь эта вера была мертва, заменена ледяным ужасом и яростью.

Телефон в кармане халата завибрировал. Резко, коротко, как удар тока. Я вздрогнула. Мысль метнулась мгновенно: сообщение от любовницы? Подтверждение измены? Фотографии? Я достала аппарат дрожащими руками. На экране высветилось уведомление о списании с нашего общего счёта.

«Перевод: 50 000 руб.»

Я открыла детали. Сегодня, 14:30. Получатель — Максим Д. Назначение: «Детективные услуги по договору». Артём любил оплачивать всё с одной карты: проще потом считать расходы.

Время остановилось. Мир вокруг качнулся. Артём уже начал следить за мной. Не ради ревности. Не ради того, чтобы узнать, куда я хожу. Он платил человеку, который должен был найти мои слабые места, собрать компромат, доказать мою нестабильность, моё «слабое здоровье», мою «нервзность». Всё для того, чтобы в случае «несчастливого случая» никто не усомнился в том, что это самоубийство или случайность. Детектив Максим. Фамилия была знакома. Бывший следователь, циник, который специализировался на грязных разводах и финансовых схемах.

Я смотрела на свои пальцы, сжимающие телефон до побелевших костяшек. Пока я стою здесь, дрожащая и запуганная, он уже нанял палача. Он уже запускает механизм уничтожения. Страх отступил, освобождая место чему-то твердому, каменному и опасному. Ярость очистила разум, как ветер сдувает туман.

Я сделала снимок экрана с деталями платежа. Затем удалила уведомление. Очистила историю поиска в браузере телефона, где я искала контакты этого Максима. Стерла то, что могла стереть. Снимок спрятала в отдельную папку. Не все следы исчезли — но на экране, который Артём мог заглянуть через плечо, не осталось ничего.

В зеркале отражение изменилось. Глаза высохли, взгляд стал колючим, расчетливым. Я больше не жертва. Я игрок. И я буду играть по его правилам, пока не сломаю ему всю игру. Я вышла из ванной, прикрыв дверь за собой. Улыбка, которую я натянула на лицо, была каменной, безупречной и страшной.

Глава 2

Утро началось с запаха сливочного масла — тяжелого, сладковатого, удушливого. Обычно я покупала растительное, почти без запаха. Артём стоял у плиты в своём идеальном фартуке, аккуратно переворачивая омлет на сковороде. Он выглядел как картинка из журнала «Идеальный муж»: спокойный, заботливый, слегка озабоченный тем, что завтрак остывает.

— Ешь, Верунь, — его голос был мягким бархатом, от которого меня бросало в дрожь. — Тебе нужны силы. Ты вчера совсем не спала.

Я смотрела на желтую массу, и внутри всё сворачивалось в тугой узел. Аллергия. Лёгкая, но неприятная. На яйца меня обсыпало. Артёму я говорила, что избегаю омлетов из-за калорий: не хотелось слушать его шуточки про капризный организм. Но теперь этот факт стал оружием. Если он знает про аллергию, значит, изучил моё досье глубже, чем я думала. А если не знает... то это случайность? Или проверка?

В горле встал ком. Я взяла вилку. Руки не тряслись, потому что я заставила их не дрожать. Каждый кусок, который я отправляла в рот, ощущался как проглоченное стекло. Я улыбалась, жуя медленно, старательно имитируя удовольствие. Внутри меня кричало тело: тошнота поднималась волной, сердце колотилось так, будто хотело выпрыгнуть наружу. После второго кусочка под кожей шеи знакомо зачесалось. Нет. Маска не стоила того, чтобы распухнуть у него на глазах. Я отодвинула тарелку.

— Очень вкусно. Но меня мутит с утра. Оставлю на потом, ладно?

Он поджал губы, однако спорить не стал. Я вытерла губы салфеткой, чувствуя, как по спине стекает холодный пот. Два кусочка — и я уже предала собственное тело ради этой маски. Пальцы так и тянулись расчесать шею. Дождавшись, когда он отвернётся, я застегнула халат выше.

Артём забрал тарелку, чмокнул меня в макушку. Его губы были горячими, сухими. Чужими.

— Я ненадолго в офис, потом заберу детей с дачи, — сказал он, уже надевая пиджак. — Поедешь со мной? Моя машина теплее, да и безопаснее для тебя сейчас. Твои нервы ни к черту, Вер. Не стоит рисковать общественным транспортом.

Он протянул мне руку. Жест был властным, собственническим. «Безопаснее». Слово, которое звучало как приговор. Мысль о том, чтобы сесть в его машину, где могла быть инсценировка аварии или где он мог применить химическую ловушку, вызвала приступ клаустрофобии. Стены квартиры вдруг казались тесными, давящими на грудную клетку. Тишина дома оглушала.

— У меня срочный отчет по аренде, — солгала я, отступая на шаг назад, в тень прихожей. — Лучше такси. Мне нужно сосредоточиться.

Артём замер. Его глаза сузились, просканировав моё лицо. Секунда тишины растянулась на вечность. Потом он пожал плечами, но в уголках рта мелькнуло нечто похожее на разочарование хищника, упустившего добычу.

— Как скажешь. Но не переусердствуй, родная. Ты бледная.

Он вышел. Доводчик мягко притянул дверь, а щелчок замка резанул ухо. Я осталась одна. На вчерашней рубашке, оставленной на вешалке, висела тонкая нитка. Белая. Синтетическая. Я прижалась носом к ткани. Пахло не дорогим парфюмом Лизы, не свежестью прачечной. Пахло химией кондиционера «Business Premium». Такой же навязчивый запах стоял в коридоре конкурента, когда мы ездили туда на переговоры. Нитка могла остаться после любой химистки; сама по себе она ничего не доказывала. Но я уже искала декорации этого спектакля даже в белье.

Я сорвала нитку и сунула её в карман халата. Маленький физический триумф посреди океана страха.

Я ещё постояла в пустой прихожей, прижимая пальцы к карману с ниткой, будто это было вещдоком, а не мусором. Потом пошла собираться: рабочий костюм, лёгкий макияж, привычная маска «всё в порядке». К полудню я уже сидела в такси, едущем в центр.

Офис встретил гулом принтеров и запахом кофе. Я шла к своему кабинету, держась за стену, чтобы ноги не подвели. Нужно было дышать ровно. Изображать нормальную юристку, которая просто плохо спала.

Мимо секретарской прошла Лиза. Она мило улыбнулась коллеге, поправляя прядь волос. На её мониторе, развернутом ко мне, светилось окно корпоративного чата. Лиза отошла к кулеру, оставив экран открытым. Ошибка новичка? Или приглашение?

Я остановилась. Сердце пропустило удар. Текст сообщения от неизвестного номера, адресованный Лизе: «Он повелся. Жена нервничает. Активировать план Б сегодня вечером».

Руки затряслись. Я схватила телефон, сделав снимок экрана. Движение должно было быть незаметным, быстрым. Щелчок камеры раздался громче, чем хотелось бы.

— Вера Сергеевна? Почему вы стоите здесь? — голос HR-директора Галины Андреевны прозвучал резко, словно хлыст.

Я обернулась. Галина стояла в двух шагах, скрестив руки на груди. Лиза вернулась, удивленно моргая.

— Проверяла юридические тонкости договора аренды этого этажа, — мой голос звучал спокойно, профессионально. Даже слишком. — Задержалась, извините. Вопрос закрыт.

Галина подозрительно посмотрела на меня, потом на монитор Лизы. Та поспешно свернула окно чата. Галина Андреевна ничего не сказала. Только кивнула и ушла. Я выдохнула, чувствуя, как спина промокла. План Б. Сегодня вечером. Что они имели в виду? Развод? Смерть?

До конца рабочего дня я досидела на автопилоте: подписала два договора, ответила на письма, один раз поймала себя на том, что смотрю в одну точку уже минут десять. В сумке, под блокнотом, лежал телефон со снимком чужого экрана — моя первая настоящая улика, и я не имела права её потерять.

Дом встретил меня сумерками. Артём сидел в гостиной с книгой, создавая иллюзию покоя.

— Ты рано, — заметил он, откладывая томик в сторону. — Голова болит?

Прежде чем я успела ответить, он подошел ближе. В руке у него была маленькая бутылочка с каплями. Валериана? Нет, этикетка была стерта. Прозрачная жидкость в темном стекле.

— Это новое успокоительное, которое мне рекомендовал врач. Без рецепта, но очень эффективное. Для сна. Выпей пять капель.

Он протянул стакан воды. Запах миндальной горечи бил в нос. Яд? Снотворное? Я не могла узнать вещество по запаху. И именно это пугало: он предлагал выпить неизвестно что из бутылки без этикетки. Засну — и не узнаю, что они сделают, пока я беспомощна.

— Спасибо, Артем, — я взяла стакан. Губы коснулись края. — Я так хочу спать.

Он смотрел на меня с напряженным вниманием. Ждал. Я набрала в рот совсем немного воды, не глотая, и тут же отвернулась, якобы кашляя. Сплюнула содержимое в салфетку, лежащую на столе, быстро скомкала её и сунула в рукав халата.

— Горчит, — пробормотала я, улыбаясь. — Но поможет.

Артём удовлетворенно выдохнул. Его плечи расслабились. Он поверил. Или сделал вид, что поверил? Эта разница больше не имела значения. Главное — я жива. Пока.

В спальню я зашла, когда Артём уже лёг. Ложилась осторожно, на самый край, задерживая дыхание, как будто рядом спал не муж, а зверь, который реагирует на движение. Спать мне, разумеется, не хотелось.

Ночь была бесконечной. Я лежала в постели, глядя в потолок, прислушиваясь к каждому шороху. В три часа ночи послышался тихий скрип двери ванной. Артём вышел. Я слышала, как он ходил туда-сюда, шаркая тапочками. Потом начал говорить. Шепотом, но достаточно громко, чтобы я услышала сквозь приоткрытую дверь спальни.

— ...она уже почти сломалась. Завтра подписываем бумаги об опеке. Да, она не сможет сопротивляться после таблеток... нет, не убивать. Просто изолировать. Сумасшедшая мать — это диагноз. Мама, я понял. Они у тебя до суда. К школе ничего не говори, скажем, что заболели.

Кровь отхлынула от лица. Опека. Они хотели забрать детей. Не через развод, а через признание моей недееспособности. Страх потерять Машу и Петю перекрыл страх смерти. Этот ужас был чище, острее, невыносимее.

Я встала. Ноги стали ватными. Тихо, ступая на носочках, я подошла к двери ванной. Приоткрыла щель. Артём стоял спиной ко мне, прижимая телефон к уху. Он говорил уверенно, холодно. Совсем другой человек. Тот, кого я любила десять лет, исчез. Остался оператор схемы.

Вдруг он обернулся. Наши взгляды встретились в зеркале. Я замерла. Он положил трубку. Лицо его было маской ложного сочувствия.

— Тебе приснилось? — спросил он мягко, подходя ко мне. Его пальцы легли на мои плечи. Холодные. — Ты так бледна, Вер. Может, правда выпить еще капель?

Я отшатнулась, упираясь спиной в дверной косяк.

— Нет. Хочу пить. Просто воду.

Он вздохнул, будто разочарованно, и вернулся в спальню. Я осталась в темноте коридора, чувствуя, как мир рушится вокруг меня. Изоляция была полной. Враги были повсюду. Даже в собственной квартире.

Глава 3

На следующий день я приехала к Максиму. Частный детектив, бывший следователь. Кабинет пах сигаретами и пылью архивных бумаг. Максим сидел за столом, крутя в руках ручку. Он выглядел уставшим и циничным.

Я выложила перед ним улики: фото переписки, нитку с воротника, описание капель. Рассказала всё сухо, без эмоций, как адвокат на допросе.

Максим слушал молча. Потом откинулся в кресле и рассмеялся. Коротко, зло.

— Вера Сергеевна, вы меня удивляете. Артём предупредил меня, что его жена нуждается в помощи. Что вы больны. Параноидальная шизофрения, бред преследования. Он просил найти доказательства вашей нестабильности, чтобы помочь вам... лечиться.

Внутри всё оборвалось. Он знал. Артём опередил меня. Система работала как часы. Я была не жертвой, а пациенткой.

— Я не больна, — процедила я.

— Тогда почему вы несете мне мусор вместо доказательств? — Максим встал, нависая надо мной. Он был выше, сильнее. Опасный зверь в клетке костюма. — Лиза замужем за человеком, которого ваш муж ненавидит. Весь этот роман — фикция. Конкуренты Артёма хотят его уничтожить. А вы... вы играете в свои игры, которые могут стоить вам свободы.

Он отказался брать дело.

— Я не поставлю вам диагноз, — бросил он уже в дверях. — Но с ниткой и рассказом о каплях вы проиграете. Нужен документ, а не запах.

Он показал дверь. «Сумасшедшая» — я услышала это даже в том, чего он не сказал.

Но когда я уходила, я поймала его взгляд. В этих серых глазах не было презрения. Там был интерес. Хищник заметил раненого зверя, который все еще способен кусаться. Максим не верил в безумие. Он видел игру. И эта игра ему нравилась. Он молчал ради собственной выгоды. Может, его ещё можно было вытащить из механизма уничтожения. Проверить это мне предстояло самой.

Я вышла на улицу. Дождь барабанил по зонту. Мир сузился до размера одного человека, который должен стать невидимкой. Собрать данные вручную. Рискнуть быть пойманной в любой момент.

Добравшись до дома, я вошла в лифт. Двери сомкнулись. В тишине кабины завибрировал телефон. SMS от неизвестного номера.

«Не пей то, что он даёт. Проверь номер полиса, а не красивую печать. И семейное положение Лизы. Это Максим. На офисный больше не звони.»

Номер был незнакомым. Но смысл слов ударил в солнечное сплетение сильнее любого удара. Он только что выставил меня из кабинета. Теперь предупреждал. Зачем? И что не так с номером полиса?

Я поднялась на крышу дома, где жила. Смотрела на серый Петербург, на шпили и купола, которые казались теперь тюрьмой. Я потеряла доверие к миру. К мужу. К детективу. Осталась только злость. Холодная, расчетливая, юридически точная.

Свет в окне моей квартиры погас. Артём думал, что победил. Что я сломаюсь.

Но я только начала считать ошибки в его договоре.

Вечером того же дня я заперлась в домашнем кабинете. За окном моросил дождь, в квартире было пусто и тихо: Артём «задержался в офисе», дети оставались у бабушки. Никто не мешал. Я открыла ноутбук. Работа начиналась с базы данных — там, где у юриста начинается всё.

Дождь в Петербурге не шумит, а шепчет. Он скребется по стеклу кабинета, словно пытается проверить, заперта ли я на самом деле. Я сижу перед монитором, и мои пальцы дрожат так

сильно, что я боюсь: если коснусь клавиши Enter, экран взорвется от моего страха. Но внутри — ледяная пустота. Там, где раньше были сомнения («может, он просто слабый?»), теперь сидит холодный расчет. Артём не изменил мне сердцем. Он продал мою жизнь.

Мне нужен человек, который не купится на его деньги. Который не испугается его связей. Мне нужен Максим. Бывший следователь, частный детектив, репутация которого в корпоративных кругах звучала как ругательство. Говорили, что он циник до мозга костей, что работает только по предоплате и не оставляет бумажного следа. Идеальный кандидат для той, кто хочет выжить.

Я открываю защищенный сервер юридических баз данных. Мой доступ здесь остался с времен, когда я консультировала крупных клиентов. Я ищу его рабочее имя, номер лицензии, что-нибудь, за что можно ухватиться после вчерашнего разговора.

Первый поиск дает пустоту. Ни одной активной лицензии. Второй — заглушки: несуществующие адреса офисов, номера телефонов, которые принадлежат психоневрологическим диспансерам. Система защищена цифровым забором. В старых карточках смешались однофамильцы и давно закрытые конторы. Короткого «Максим Д.» из платежа было мало. А номер, с которого пришло предупреждение, не отвечал.

Я чувствую укол разочарования, но тут же вспоминаю деталь из дела о мошенничестве с недвижимостью в центре города, которое мы вели два года назад. Тогда фигурировал свидетель защиты, чьи показания спасли клиента от ложного обвинения. Его имя было затерто в итоговом приговоре, но в черновиках протокола сохранилась ссылка на закрытый архив.

Я нахожу упоминание. Не нынешний контакт, а старый номер мобильного, привязанный к юридической конторе, которой больше нет. Рискну.

Набираю номер. После вчерашнего отказа это почти унижительно. Но другого человека, который уже видел мои улики, у меня нет. Гудки тянутся бесконечно долго. На другом конце включается робот-автоответчик. Сухой, металлический голос требует код доступа. Никакого имени, никакой приветственной музыки. Только ожидание ключа.

Сердце колотится о ребра. Код. Я возвращаюсь к архивной карточке: рядом с номером есть сноска для свидетелей защиты. «Код связи — дата происшествия, день и месяц». Дата мнимой смерти клиента того дела. Мужчины, которого Максим вернул в число живых, доказав подделку медицинских справок.

14.08.

Я набираю цифры медленно, боясь ошибиться в последнем знаке. Тишина длится три секунды, после чего линия щелкает, и голос появляется сам собой.

— Если вы журналист или клиент конкурентов, я положу трубку прямо сейчас.

Голос низкий, хриплый, пахнет дешевым табаком и опасностью.

— Если у вас есть живые деньги и труп в шкафу — говорите быстро.

Он не слушает эмоциональных жалоб. Для него я уже «жена-истеричка», которая звонит пожаловаться на измену мужа. Стандартный запрос. Скучный. Опасный для его времени.

— У меня нет трупа, — отвечаю я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — И у меня нет денег, которыми я могу распоряжаться незаметно для мужа. Но у меня есть номер страхового полиса жизни на сумму пятнадцать миллионов рублей. Застрахована я. Бенефициар — его секретарша. А в комментариях к документу написано: «Убрать жену из схемы после выплаты».

Пауза. Она длится вечность. Я слышу, как на другом конце провода кто-то делает глоток жидкости из стекла. Звук очень отчетливый.

— Живешь? — спрашивает он наконец.

— Пока да.

Он продиктовал адрес и время. Просил прийти одной, с оригиналами, и больше не звонить ни на один из его номеров. Я записала всё в заметки телефона и дважды перечитала, прежде чем спуститься в метро.

Бар «Подвал» находится в районе Петроградской стороны, в здании бывшей типографии. Сюда не водят туристов и не приводят деловых партнеров. Здесь темно, пахнет плесенью, старым деревом и перегаром. Музыка играет на грани фолы — джаз, искаженный до неузнаваемости, басовые линии, которые вибрируют в желудке.

Я прихожу первой. Выбираю столик в углу, спиной к стене, как учила меня интуиция юриста, привыкшего к неожиданным атакам. Заказываю воду. Просто воду. Алкоголь притупляет внимание, а мне нужно быть острой, как скальпель.

Максим приходит ровно через десять минут после назначенного времени. Он высокий, худощавый, одет в потертую кожаную куртку, которая сидит на нем как вторая кожа. Лицо бледное, с резкими чертами, глаза серые, внимательные. Он садится напротив, не снимая куртки, и сразу кладет руки на стол. Пальцы длинные, костлявые.

— Оригиналы, — говорит он без приветствия.

Я держу сумку со своим рабочим планшетом на коленях. Утром перенесла на него скачанный полис и снимки экрана. Планшет Артёма так и остался заблокированным на кухне. Недоверие висит между нами плотным облаком. Он считает, что это разводка полиции или корпоративный шпионаж. Почему бы и нет? Я ведь могу быть частью игры Артёма. Может, они хотят проверить, не начала ли я действовать.

— Я не жертва, Максим, — произношу я тихо, но твердо. — Я юрист, которая нашла ошибку в коде. Мне нужна не жалость, а логика.

Он смотрит на меня, оценивая. Потом его взгляд падает на сумку.

— Докажи.

Я медленно достаю из кармана пальто мятый чек из аптеки. Показываю ему.

— Успокоительное. Куплено вчера. Для себя.

Затем я вынимаю телефон и показываю фото рубашки Артёма. На воротнике — размытое пятно духов, запах которых я запомнила. Чужих. Лизины.

— Это не измена сердца, — продолжаю я. — Это постановка. Запахи, переписки, даже его внезапная ласковость. Всё рассчитано на то, чтобы я выглядела сумасшедшей ревнивицей в глазах суда. Чтобы лишить меня детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.